

Лента Мёбиуса

О РОССИИ – С ОТОРОПЬЮ И ЛЮБОВЬЮ

ОТ РЕДАКЦИИ

Биография автора (как она изложена в одном из выпусков московской «Экспресс-хроники»): Казачков Михаил Петрович, родился в 1944 году. Физик. Арестован в 1975 году за намерение эмигрировать и за контакты с консулом США. Осужден по статьям: «Измена Родине», «Контрабанда», «Нарушение правил о валютных операциях», «Спекуляция», приговорен к 15 годам лишения свободы. Вторично арестован в тюрьме за протест против условий содержания и осужден по статье «Злостное хулиганство» на 3,5 года. Второй приговор впоследствии отменен; по первому приговору срок в ноябре 1990 года закончился, за шесть недель до истечения срока осужденному выпало помилование от Президиума Верховного Совета РСФСР. В настоящее время на свободе.

Работа Михаила Казачкова, которую мы предлагаем читателю, написана в тюрьме. Мы не намерены комментировать ее содержание: то, что она представляется нам актуальной и значительной, ясно уже из факта, что мы ее публикуем.

Не намерены мы также входить в подробности дела, стоявшего М. Казачкову

пятнадцати лет свободы — пусть в этом разбираются юристы: система человека упекла, пусть система и объясняется. Для нас он автор, и только. Автор текста. Одно обстоятельство, пожалуй, все же вызывает к оценке на фоне истории нашего ГУЛАГа. Все-таки написал человек в тюрьме такую работу. Привычнее как-то другое: уголовный террор, смертельная работа, полная немыслимость творчества. Речь даже не о моральной стороне дела («Я провел большую часть срока один, — вспоминает М. Казачков. — Когда сидишь годами в одиночке, начинаешь думать вглубь — в бок некуда») — нет, речь о чисто физической возможности думать и писать, совершенно, кажется, немыслимой в наших «кутузках».

Значит, не немыслимо?

Значит, мы не безнадежны?

От имени читателей — мы усердно благодарим упекшую М. Казачкова систему за то, что она не измордовала человека, попустив его думать и писать, не распоптала в ярости, не уничтожила текста. По нынешним временам это большое достижение нашей цивилизованности.

Несколько лет назад в «Новом мире» был напечатан перевод романа Чарлза Сноу «Лакировка». Из-под детективного сюжета рельефно выступала центральная идея романа: трагическая хрупкость современной цивилизации. Сияющая лаковая пленка культуры едва сдерживает стихийное, иррациональное начало, тот скроминутно готовый прорвать ее «шевелящийся хаос», что приковывал к себе еще внутренний взгляд Федора Тютчева. Чарлз Сноу и не скрывал, что его роман был рожден эпохой молодежного бунта и первой волны терроризма на Западе.

С тех пор многое изменилось. В жизни Запада слой «лакировки» упрочился, а социальная память, разумеется, оказалась короткой. Вот и политические катаклизмы в недавнем еще соцлагере скорее увлекают общественность драматизмом перемен и пробуждаемыми добрыми надеждами, чем напоминают о пугавшем Чарлза Сноу грозном иррациональном начале. Что же, людям хорошим и благополучным так естественно верить, что стоит только довести до конца дело освобождения от абсурдной коммунистической идеологии, и все вскоре прочно и окончательно наладится. Для некоторых малых стран Восточной Европы это, по-видимому, так и есть.

Боюсь, однако, что слишком немногие вполне сознают, до какой степени истощен слой «лакировки» в сегодняшней России и насколько специфичен, чужд Западу тот хаос, который под ней глухо бурлит; ведь и иррациональность у разных народов далеко не одинакова. Так культуры на Западе слой за слоем накапливались веками и образовал довольно прочную конструкцию. Все же, чем сегодня располагает советское общество,

Д.Н., 15, 1991

это тоненькая пленочка, чуть схватившаяся лишь в последнее десятилетие упадка режима. Ведь все, что Россия к октябрю 1917 года накопила в культуре, было затем безжалостно выскоблено, как при самом топорном криминальном аборте. Большевизм с самого начала сознательно и последовательно уничтожал не только опиравшуюся на общечеловеческие ценности культуру, но и самих ее носителей. Это ему удалось не в последнюю очередь в силу слабого сцепления великолепной и блестящей, хотя и тогда удручающе тонкой пленки культуры российского Серебряного века с громадным телом крестьянской страны, жившей своим, по существу, далеким от «господской культуры» миром.

С тех пор основная масса населения утратила последние остатки и этих традиционных крестьянских ценностей и из народа во многом превратилась в толпу социально и культурно перемещенных лиц, а интеллигенция в ее классическом понимании просто исчезла. В Российской империи спор шел между западниками и славянофилами, Союз же Михаила Архангела, «Черная сотня» и прочие охотничьи находились заведомо вне рамок не то что культурного, но и, пожалуй, национального диалога вообще. То, что сегодня «Память» и иже с ней отнюдь не отделены четкой границей неприятия от почвеннического крыла русской мысли, — один из драматических индикаторов достигнутого при большевиках упадка и деградации русского общества.

Такое общество явно не готово к цивилизованному общежитию на планете, ставшей совсем тесной. Так что слишком рано, опасно рано столь многие на Западе уверовали, что с падением Берлинской стены перед человечеством открылась наконец ровная и гладкая дорога в Золотой век и пролегает она под сенью гуманизма и демократии, простершейся от Атлантики до Урала. Симптоматично, что советскими интеллектуалами эта эйфория отнюдь не разделяется; было бы трагической ошибкой приписывать этот скепсис только атмосфере естественных бытовых лишений переходного периода — есть вещи, которые виднее как раз не со стороны.

Между тем Кремль старательно и небезуспешно пестует эти западные упования, а кое-кто в Европе даже готов ему в этом безоглядно способствовать — чего стоит один совместный с Францией проект единого европейского правового пространства! Впрочем, представления о сравнительно легкой воспитуемости людей методами рационалистического просвещения вообще свойственны социалистам любых оттенков, а во Франции вдобавок имеют мощную традицию, восходящую как минимум к XVIII веку.

СССР обращен к Западу прежде всего элитой МИДа во главе с неутомимым, способным и улыбчивым Эдуардом Шеварднадзе¹, который так резко контрастирует со своим мрачным предшественником, что не впасть в переоценку ожидаемого уровня разума в поведении СССР и впрямь трудно. Самые авторитетные советские политологи признают сегодня иррациональность программ советского военного строительства диктатора эпохи (см., например, «Международная жизнь» № 3, 1990, статьи В. В. Журкина и других), а оценку истории с Красноярской радиолокационной станцией мы недавно услышали из уст самого руководителя МИДа — казалось бы, эпоха здравого смысла и ответственности утвердились в СССР навсегда. Между тем драматический отрыв внешней политики страны от внутренней уже вполне очевиден. Ни жесты в сторону христианства и общечеловеческих ценностей, ни даже простой здравый смысл современной советской внешней политики, увы, не имеют прочного фундамента в нашем глубоко языческом обществе. Такие опасные расколы и прежде всего всевозможные горизонтальные расслоения — общая черта, настоящий архетип русской жизни. В порядке компенсации в сфере мысли он закономерно продиктовал высший приоритет идеала соборности. Кстати, устойчивость этого архетипа просматривается и на ставшем нынче притчей во языках противопоставлении основной партийной массы сравнительно немногочисленному аппарату, только и имеющему реальную власть.

Характерно, что производящий на западных лидеров впечатление глубоко рационального политика Михаил Горбачев в вопросах внутренних сплошь и рядом ведет себя совершенно иррационально. Это выражается даже в терминах и лозунгах: «социалистический рынок», например, — типичный оксюморон. А чего стоит заповедь «больше социализма!» притом, что понятие «социализм» сегодня в СССР официально признанного определения не имеет.

Кстати, эта внешне-внутренняя противоречивость правителей в России также вполне традиционна и вовсе не связана лишь с их личными качествами. Екатерина II, например, состояла вполне сочувственно переписке с настойчиво внушавшими ей

¹ Статья написана до отставки Э. А. Шеварднадзе (прим. ред.).

мысль о скорейшей отмене крепостного права Вольтером и Дидро, без особых колебаний распространила крепостное право на Украину — на переписку это никак не повлияло. А ведь в Екатерине Великой, по мнению В.О. Ключевского, осуществлялась столь редкая для России встреча Власти и Разума: в последние пять лет мы, несомненно, являемся современниками еще одной такой нечастой встречи

Столкнувшись на российских пространствах. Запад и Восток отнюдь не сплавились, но как бы ушли в разные уровни национального менталитета, придав ему свойства глубокой антиномичности. По крайней мере, со времен Петра I страна номинально признает западную систему ценностей в том или ином ее изводе, на деле же руководствуется традиционными нормами, типичными для восточных деспотий. Во времена спокойные это ведет прежде всего к всепроникающему лицемерию, но в моменты исторических переломов сия странная, уникально российская смесь имеет тенденцию становиться гремучей. Я вовсе не хочу сказать, что Россию и впрямь не понять рациональным умом. — напротив, уже много лет я себе иных целей и не ставлю. Однако скромность результатов, и не только моих, убеждает, что ожидать понимания от широкой западной общественности и даже от профессиональных политиков едва ли стоит

Спору нет в стране сегодня живут многие миллионы способных, неплохо образованных, в меру совестливых и в целом вполне трезвомыслящих людей; правда, по-прежнему в основном, не имеющих прямого отношения к власти. Это для них гласность и плюрализм мнений имеют реальные смысл и ценность. Это как раз с ними чаще всего встречаются представители Запада. Причем эти миллионы сумели недавно направить в выборные органы своими представителями немало ярких личностей, которые там тоже, естественно, наиболее заметны. Все это неизбежно вносит аберрацию в западное восприятие советского общества, в оценку реального уровня его рациональности.

И уж совсем трудно поддается учету фактор специфики русского национального подсознания — того этнически индивидуализированного, но присущего всякой душе человеческой «хаоса» что «шевелится» под столь непрочной лаковой пленкой культуры на первый взгляд вполне европейского типа. В поведении «агрессивно-послушного большинства» сгонявшего А.Д. Сахарова с трибуны съезда, это национальное подсознание вкупе с вульгарно понятыми материальными интересами определяет практически все, именно отсюда идет неприятие рынка, свободы печати, многопартийности и вообще всего что нарушает примитивную уравнительность. Немногим отличается от «агрессивного большинства» съезда и молчаливое пока большинство населения страны.

Однако было бы серьезной ошибкой считать свободными от давления национального подсознания и те вроде бы вполне цивилизованные и здравомыслящие миллионы, о которых сказано выше. Да, сейчас голос «хаоса» в душах этих людей заглушается рациональным здравым смыслом, но в стрессовых, переломных ситуациях для слишком многих из них именно он, «хаос» зазвучит тоном непрекаемого приказа. В том же, что страну ожидает длительная полоса испытаний, сомневаться не приходится.

Президент и его команда — как раз из таких технократически образованных, способных, «в основном» рациональных советских людей. В Тбилиси, Баку и особенно в Вильнюсе мы были свидетелями как раз властного вмешательства «национальной подкорки» в их вроде бы вполне трезво продуманную политику

Я, однако вовсе не хочу сказать, что «новое мышление» разговоры о Европейском доме и т.п. лишь очередной коварный пропагандистский «план Кремля» тут все многое сложнее. Людей, способных к беспощадному анализу своих личных перспектив, вообще крайне мало. Немногим больше и тех, кто готов с такой же жесткой трезвостью увидеть реальное положение и перспективы всей страны. И уж совсем малая часть таких людей обычно попадает в структуру власти. Однако и эти редкие проблески трезвой дальновидности закономерно глушатся там соображениями чиновно-служебного pragmatизма: сегодня нам эти западные иллюзии выгодны, они работают на нас, а там, Бог даст вывезет кривая да выручит пресловутый русский авось.

Тем более что терять-то все равно нечего: иных дверей (или хоть окон) для выхода из наличного тупика не видать, а уж куда что приведет — забота не нынешнего дня. Ну и, разумеется, сквозь все это просвечивает извечная российская склонность к маниловщине, новый экономический порядок, мир ненасильственный, мир безъядерный, Европейский дом, всеевропейское правовое пространство. Вон сколько этих глобальных фантазий за пять лет понавыдвигали — половину уже и сами практически не

вспоминают Хорошо, конечно, что Москва больше не грозится осчастливить человечество этими кремлевскими утопиями насилием, однако массовые иллюзии и сами по себе достаточно опасны — печальный опыт имеется.

Я совершенно убежден, что распространившееся преимущественно в Западной Европе мнение будто отныне над индустриальным Севером более нет фатальных угроз, кроме экологической, крайне легкомысленно и глубоко ошибочно. В конечном счете все определяется тем, как — разумно или нет — в предложенных историей обстоятельствах поведут себя люди, массы людей, а это прямо зависит от особенностей их национального менталитета. Ни в балансе рацио-иррацио, ни — тем более — в специфике иррационального, подсознательного компонента ни за пять, ни даже за 15 лет ощущимых перемен наступить просто не может. Поэтому, чем больше мы сумеем понять в национальном подсознании русского народа, в его структуре и свойствах, тем больше шансов у нас довести перестройку до счастливого завершения.

Конечно, предложить исчерпывающий, строгий и прозрачный анализ русского национального подсознания я не могу. Сам вижу в написанном ниже множество дефектов, в том числе и известный разрыв в доказательности при переходе от анализа глубинных структур русского менталитета к вопросам реальной политики. Впрочем, я буду удовлетворен, если сумею хотя бы привлечь внимание к необходимости учета их связи. Конечно, многое хотелось бы додумать до конца, тем более что условия этому, увы, по-прежнему способствуют. Однако ждать, пока мои интуиции дозреют до академически приемлемой спелости, в нынешних исторических обстоятельствах считаю недопустимым. Так что мне остается лишь надеяться на снисходительность читателя.

Глубинный смысл перестройки, несомненно, пытаются так или иначе осознать и в СССР и за рубежом очень многие. В условиях политлагеря и Чистопольской тюрьмы я, в основном, лишен возможности знакомиться с их выводами и оценками. Невежество, даже когда оно вынужденное, придает смелости — не исключено, что в иных обстоятельствах настоящая работа не была бы написана.

Абсолютное большинство моих получивших высшее образование соотечественников с юности приучено мыслить в марксистских категориях, что так же мало способствует раскованности аналитической мысли, как летящей походке скрюченные бинтованием ступней ноги средневековых китайских красавиц. Здесь не место вести с марксизмом полемику по существу. Однако каждый, кто хоть немного имел дело с теоретической физикой, знает, насколько нелепо использовать систему, скажем, прямоугольных координат в решении «круглой», то есть обладающей сферической симметрией, задачи. В принципе-то, она равно разрешима хоть бы и в эллиптических координатах, но при неудачном выборе системы координат все формулы усложняются настолько, что всяко эвристическую ценность и «прозрачность» теряют начисто.

Вот такой явно неуместной на исходе XX века «координатной системой» и является марксистская методология с ее традиционными марксистскими категориями, не исключая и таких наиболее распространенных, как «капитализм» «социализм» и «коммунизм». Это наглядно видно на примере ряда недавних статей в советских «толстых» журналах¹. Авторы проявляют чудеса схоластического искусства ради оправдания марксистской догматики, задним числом выводя из нее все, что де-факто случилось в мире за последние полтора столетия. Их не останавливает даже парадоксальная очевидность того, что «подлинный» имевшийся Марксом в виду социализм, дескать, как раз и построен.. на Западе! Привычка к экспроприациям оказалась стойкой — вторая натура! Однако такая категорическая приверженность привычной методике анализа, право же, сродни поискам укатившейся монеты непременно под любимым фонарем. На мой взгляд, уж лучше дилетантism и эклектика, к которым меня объективно приговаривают тюремные условия.

В то же время привычный и эффективный в пределах западного мира метод социально-политического анализа также не слишком пригоден в приложении к «русским делам» поскольку в основе западного метода лежит презумпция рационального поведения сторон. Судить о других по себе — обычный дефект бытовой психологии, но в политике он приемлем тем меньше, чем выше ставки последствий; в отношениях же с СССР они предельны, чтобы не сказать — запредельны.

См. например, «Знамя» № 12 (1989) и № 1 (1990), но вообще-то их целый поток

Генри Киссинджер как-то заметил, что большинство войн возникло в маловероятных ситуациях. Видимо, он прав. Однако бесспорна также и повторяемость однотипных ситуаций, особенно бросающаяся в глаза в русской истории. Высокая вероятность репетиции явно выводит нас из области случайного и требует если не исчерпывающих объяснений, то, во всяком случае, пристального к себе внимания. Я бы сказал, что метод исторической аналогии вообще работает при прогнозировании тем надежнее, чем сильнее в национальном менталитете баланс сознания и подсознания нарушен в пользу последнего. Тут уж особое внимание к национальному подсознанию более чем оправданно.

В этой связи хочу высказать несколько замечаний к одному из тезисов профессора Роберта Такера (см. реферат его книги «Политическая культура и лидерство в советской России. От Ленина до Горбачева»).

Наш президент, как известно, утверждает, что нынешняя перестройка является революцией. Марксистскими определениями я, разумеется, пользоваться не стану, а вот критерий профессора Такера применить попробую. Р.Такер вводит понятие «базового мифа», понимая под ним ядро верований и убеждений, интеллектуальную концепцию всего, что особенно ценно в глазах членов данного общества. Революции начинаются людьми, отвергающими этот базовый миф и стремящимися навязать обществу другой. В то же время сколь угодно радикальные общественные перемены, на базовый миф не посягающие, относятся к разряду эволюционных.

В указанном смысле Роберт Такер справедливо видит в Марксе типичнейшего революционера. Несомненно, был революционером и Ленин. Причем он, очевидно, тем легче добился успеха, что отвергавшийся им вслед за Марксом западноевропейский либеральный базовый миф для российского общества базовым и к 1917 году еще отнюдь не был.

Можно ли считать революционным лидером М.Горбачева? Не знаю, что думает об этом сам профессор Такер, но мне представляется, что в субъективном плане — явно нет. М.Горбачев делает все от него зависящее (и, судя по всему, вполне искренне) для поддержания базового коммунистического мифа. Из чего, кстати, следует, что утверждения, будто он обладает неким «vision», т.е. провидит грядущий его заботами образ нового советского общества и мира в целом, основаны разве что на способности чтения в душах и вообще крайне сомнительны.

Все это, конечно, не означает, что коммунистический базовый миф в эпоху Горбачева не подвергается объективно разрушению во всенарастающем темпе, обещающем перейти в обвал, так что сама перестройка останется лишь попыткой эволюционного процесса. Но для оценки ее перспектив и вероятных последствий необходимо критически оценить предложенный профессором Такером критерий революционности общественных перемен.

На мой взгляд, американский ученый не учитывает двух обстоятельств.

Во-первых, все базовые мифы он полагает как бы равно жизнеспособными; их качественные отличия при этом игнорируются, как несущественные. Во-вторых, без какого-либо обсуждения и оговорок допускается сама возможность свержения базового мифа и замены его на новый. Но если речь идет действительно о ядре ценностей и верований народа, то это крайне сомнительное допущение.

Впрочем, формально Роберт Такер прав; он ведь говорит не о народе, а об обществе, однако такое самоограничение снижает прогностическую ценность его теоретической схемы.

Базовый миф, как его определил профессор Такер, уместно уподобить даже не айсбергу, но скорее засыпанной песками древней пирамиде, верхушка которой едва выступает над уровнем национального подсознания. В эссе 1980 года Иосиф Бродский сделал бесспорное в своей очевидности наблюдение: прочность пирамиды редко зависит от ее вершины, и все же именно вершина привлекает наше внимание. Все политико-социологические рассуждения Роберта Такера относятся только к этой, проникающей в сферу осознаваемого вершине пирамиды. Однако как бы ни перестраивали, пересматривали, даже заменяли на позаимствованную за рубежом эту выступающую в область общественного сознания верхнюю часть национального менталитета, ни центр тяжести, ни даже общий контур пирамиды в целом сколько-нибудь существенно не изменяются. Необходимо подчеркнуть, что использованный мною «неживой» образ пирамиды не отражает непременной органической связи верхушки и «базы» национального менталитета. В силу этого, во-первых, далеко не всякая революционная трансплантация такер-

вского базового мифа вообще оказывается возможной. Во-вторых же, и в случае успеха изначальный смысл и характер внесенных в общественное сознание новшеств вскоре будет неизбежно искажен и приведен в соответствие с основными структурами национального подсознания, ибо соки, питающие «вершки», продолжают поступать от прежних «корешков».

Если же такая, действительно существенная перестройка национальной пирамиды по всей ее высоте все же каким-то образом осуществляется, то результатом ее с необходимостью станет разрушение этнокультурной самобытности данного народа, то есть в той или иной форме его исчезновение. Будет ли это полная ассимиляция или распад на заново консолидирующиеся субэтносы, мы здесь обсуждать не можем. Миланский эдикт императора Константина, при всей его явной — по Р. Такеру — революционности, едва ли реально изменил ядро ценностных ориентаций тогдашних римлян. Потребовалось падение империи и еще несколько столетий раннего средневековья, чтобы сформировалась новая христианская нация, к которой восходит современный итальянский народ. А поразительный в своей беспрецедентности феномен древнегреческой полисной организации общества едва ли имел бы шанс возникнуть без предшествовавших ему семи «темных веков», отделявших его от дворцовой цивилизации Микен. Семь веков — именно таков порядок времен, за которые сглаживается сложившийся рельеф этнического подсознания. Ни за меньшие сроки, ни меньшей, чем разрушение империй, ценой подлинно «базовая» часть базового мифа не модифицируется. Даже под воздействием такой обреченной на торжество системы идей, как христианство.

Однако, как показал исторический опыт XX века, этого, к счастью, никак не скажешь о тоталитарных идеологиях. Свернув выступающую в область национального сознания макушку пирамиды, такие революционные лидеры неизбежно создают состояние неустойчивости, которое ведет к распаду целого в кратчайший исторический срок — приблизительно это время жизни человека. Однако, даже когда попытка пристроить к основанию национальной пирамиды вполне доброкачественное, но заемное, чужое навершие удается, неизбежно возникает химера, чреватая порой весьма долгой нестабильностью. В 1919 году Веймарская республика предприняла попытку заменить базовый миф вильгельмовского воспроникающего милитаризма на либеральный общеевропейский; уже через 14 лет возникшая тогда нестабильность породила гитлеризм.

Спецификой русской истории является также немыслимая в Европе жестокость, с которой подавлялись реакции иммунного отторжения. Это на два столетия лишило жизненных сил корни нестабильности. Тем не менее при всей бесспорной революционности перемен, внесенных в общественное сознание «первым большевиком» Петром I, сущностно-смысловая сторона русской жизни осталась прежней. Этот «дурной перевертыш» очень тонко семиотически исследован Ю. М. Лотманом и его сотрудниками, так что нет нужды говорить здесь об этом подробно.

Мне вообще кажется малоперспективной любая попытка указать критерий для различия революционности и эволюционности изменений в отрыве от фактора времени, то есть относительной плавности процесса их внедрения в общество: при эволюции «производная по времени» не должна быть слишком велика. В теоретической физике для оценки производной ее заменяют отношением конечных приращений, причем в знаменателе эта величина связывается с «характерным временем процесса» изменений. В данном случае это, очевидно, хорошо известное в социологии время смены активного поколения — в 10—15 лет.

Итак, эволюционный характер вроде бы могут носить лишь те перемены, что занимают не меньше этого срока, да еще при условии, что и внутри него ни в какой момент темп перемен не будет слишком крут. Причем все эти условия необходимы, но ни в коем случае не достаточны: главное — «иммунная близость» пересаживаемой «верхушечной ткани» глубинным слоям национального менталитета. Но это лишь попутное замечание — я не претендую на формулирование собственного критерия. Мне важно только подчеркнуть заведомую невозможность осуществления в исторически короткие сроки изменений в фундаменте базового мифа. А невозможно это просто потому, что главное в ядре национальных верований и ценностей сознанию общества вообще не принадлежит.

Не исключено, что современные средства массовой информации в сочетании с

достижениями психологической науки уже позволяют, в принципе, предпринять попытку за разумно короткие сроки модифицировать и структуры национального подсознания тоже. Однако очевидно, что здесь встают этические проблемы, схожие с теми, что возникают в генной инженерии. Попытка существенного изменения не осознаваемой обществом компоненты его менталитета ставит под удар само существование народа как самобытного культурного субъекта. Эта попытка способна породить потенциально опасную химеру и уж наверняка вызовет решительное противодействие на уровне инстинкта национального самосохранения.

Между тем конфликт со структурами национальной подкорки возникает, естественно, и в ходе развития межкультурного взаимодействия. При этом также провоцируется реакция иммунного отторжения. Ниже я еще остановлюсь на проявлениях инстинкта национального самосохранения в современной России. Пока же отмечу, что чем мощнее давление в пользу сущностных перемен, тем сильнее оказывается бессознательное противодействие. Предсказывать, какие конкретные формы оно может принять, я не буду. Быть может, это даже и бессмысленно, как бессмыслены попытки рассчитать состояние физической системы по другую сторону точки фазового перехода. Однако и нестабильность с неограниченным ростом флуктуаций, и иные крайне опасные для нашего тесного мира явления предсказать можно с довольно большой степенью уверенности — инстинкт национального самосохранения русского народа должен себя проявить непременно, причем в достаточно иррациональных формах.

Удобно использовать представление об иерархии «культурных личностей» разного уровня — от отдельного индивида до человечества в целом. Народы также имеют в этой иерархии свое место и, как всякие «культурные субъекты», обладают своим уникальным менталитетом. Именно в этом смысле я все время говорю о национальном сознании и национальном подсознании.

Установлено, что за рациональное мышление отвечают наиболее исторически молодые участки мозга человека; именно эти части коры левого полушария, судя по всему, и отличают нас от животных. Характерно, что левая половина мозга связана с чтением, письмом, счетом и вообще с дискретно-логическим мышлением. Подсознание же коренится прежде всего в более архаичных структурах. Каких-либо принципиально важных различий в отвечающем за образное и интуитивное мышление правом полушарием мозга человека и высших млекопитающих, насколько я знаю, не обнаружено.

До некоторой степени аналогично обстоит дело и с национальным менталитетом: носителями национального подсознания, в основном, являются наиболее консервативные слои общества, такие, как крестьянство, а национальное сознание прежде всего связано с более рационально мыслящими интеллектуалами и другими относительно молодыми социальными группами. В сущности, это установлено еще в классических работах французской исторической школы «Анналов».

Ни в коем случае нельзя считать, что первое «дурно», а второе «хорошо»: такая антикрестьянская установка, к несчастью, разделялась весьма широкими кругами образованного общества в Российской империи, а у большевиков приняла форму настоящей войны на уничтожение крестьянства «как класса». Люди с отключенным правым полушарием значительно менее жизнеспособны, чем лишенные более «национального» левого¹. Соль сама по себе никак не может служить продуктом питания; однако же и без нее прожить трудно. В известном смысле можно сказать, что именно специфическое для *Homo sapiens* рациональное мышление и есть «соль земли», и оно не должно терять свою силу, чтобы достижения культуры не обращались в прах.

Мозг дельфина, как известно, исключительно развит однако его полушария идентичны: чтобы не утонуть во время сна, дельфин спит то одним полушарием мозга, то другим — по очереди. Быть может, оттого-то и не возникла цивилизация дельфинов, что жизнь в воде не позволила развиться функциональной асимметрии их мозга, и в лице таких добрых, заботливых и умных дельфинов мы имеем, по существу, тупиковый вариант чисто «эмоционально-образной» внеационалистической культуры?

Именно левополушарное мышление ответственно за концепцию линейного времени. Не случайно, конечно, поэтому в эсхатологической христианской культуре Запад-

¹ См., например, статью Ю. М. Лотмана с соавтором в № 6 «Декоративного искусства» за 1983 год.

ной Европы характерные для левополушарного мышления логика и рационализм также проявились как ее отличительные признаки. В этом смысле Запад «левополушарен» по преимуществу, а великие культуры Востока и дохристианской древности можно назвать «правополушарными». Конечно, в каждой культуре присутствуют и субъективистски образные, и рационально-логические, объективистские элементы. Здесь как и во всем требуется мера, которую многие вообще считают и смыслом, и сутью культуры.

Мера требуется и в обществе для его устройства устойчивого и здорового развития. К 1917 году в России эта мера явно соблюдена не была. 85 процентов крестьян сильно сдвигали баланс в сторону национального подсознания. Отколотые же от народной массы образованные, а часто и утонченные социальные верхи, конечно, могли тем свободнее устремляться к прославившим русскую культуру этой эпохи вершинам Духа и Красоты, что не были органически связаны с инертным телом очень уж долго безмолвствовавшего народа. Зато когда история привела наконец эти низы в движение, стать сознательными выразителями их подсознательных устремлений, придать им рационально-конструктивное оформление русские интеллектуалы, увы, оказались неспособны.

Дальнейшее хорошо известно: на специфике российского национального подсознания бессибочно сыграли увлеченные демагоги одного из которых Плеханов называл непревзойденным мастером по подстрекательству чернорабочей черни. Под руководством большевиков люмпены под корень снесли российский культурный слой свели его представителей в могилы, в эмиграцию или в социальное ничтожество на родине. Это окончательно нарушило национальный баланс рацио и иррацио после чего абсурд советского жизнеустройства сделался и закономерен, и неизбежен.

Пять лет назад началась перестройка этого абсурда. Она, однако, стала отнюдь не следствием свершившегося восстановления указанного баланса до «общечеловеческой» меры, но лишь следствием угрозы экономическим и военно-державным интересам, которые этот самый абсурд и привел на грань краха. Чрезвычайно важно все время помнить, что только и именно эти мотивы, но отнюдь не внезапно вспыхнувшая, по-русски неуемная страсть к гуманизму и общечеловеческим ценностям стали причиной так поразившей мир перестройки в СССР. Но то, что властно диктует необходимость начала процесса, вовсе не обязательно составляет также и достаточные условия для его нормального развития и тем более успеха. На органически развивающемся из собственных своих начал Западе это так — на этом-то и зиждятся их нынешние иллюзии относительно нашей перестройки, но в России всегда было иначе. В этом смысле глубина аналогии с реформаторством Петра I очень значительна. Главное же отличие состоит в том, что мы уже не можем питать иллюзий относительно возможности рывком догнать Запад, заимствуя одни лишь внешние формы. Потому мы вынуждены очертя голову кинуться в переделку всего общественного устройства. Впрочем, такая необходимость воспринимается руководством страны как неизбежное сопутствующее зло, подлежащее всемерной минимизации, отсюда и вся иррациональная, загадочная для Запада непоследовательность нашей внутренней политики. Сейчас, как и почти три века назад, рацио стараются допустить лишь туда, где без него никак не обойтись в продиктованных национальным подсознанием великодержавных целях, из других сфер жизни то же подсознание его упорно вытесняет. Причем процесс этот останется противоречивым в той мере, в какой рациональный выбор средств к достижению национальных целей (отнюдь не осознанных рационально-критически!) будет сталкиваться с бессознательным противодействием инстинкта национального самосохранения.

Как бы там ни было, выправление баланса рацио-иррацио — процесс в любом случае медленный, и особо впечатляющего прогресса послесталинские десятилетия в этом деле явно не принесли. Это печальное обстоятельство стоит за справедливыми констатациями современных российских интеллектуалов: наиболее опасен для перестройки главный из сегодняшних дефицитов — дефицит культуры, то есть меры и равновесия. Об этом можно было бы сказать многое, но мне важно подчеркнуть сам факт нимало не избытого и весьма опасного превышения «нормы» иррациональности в российском менталитете.

Нечто подобное, только в качественно иных масштабах, можно наблюдать и у всех других народов: национальное подсознание влияет даже на важнейшие для страны решения. Скажем, с чисто рациональной точки зрения, политическое объединение Европы представляется априори очевидно целесообразным. Однако Маргарет Тэтчер упорно ему противилась, вне всякого сомнения, также и в силу специфики националь-

ного подсознания островного народа, инистимктивно связывающего свою самобытность с привычной изолированностью.

В полном соответствии с известным принципом Жозефа де Местра, наш президент — именно тот лидер, которого страна сегодня заслуживает: не лучше и не хуже. Многие на Западе списывают все нелепицы пяти лет перестройки на неизбежную сумятицу «переходного периода», а М. Горбачеву, с легкой руки Маргарет Тэтчер, приписывают способность провидения. Боюсь, что истины в этом мало. Представлять М. Горбачева этаким богохваленным советским Моисеем, терпеливо и упорно ведущим свой народ через пустыню дефицита к обетованной земле демократии, гуманизма и изобилия, значит, впадать в политическую лысенковщину. Да, М. Горбачев оказался яблочком, достаточно далеко откатившимся от родимой партиапартийной яблони; но какие бы теплые дожди обновления ни омывали этот саженец, все же вырастет из него отнюдь не ананас, а все та же яблоня, хотя, скорее всего, и искривленная обстоятельствами на свой особый и неожиданный манер.

Уже в первый год эры Горбачева мне доводилось писать о главном его достоинстве, на котором, в сущности, и основаны все проснувшиеся надежды мира на предотвращение ядерной катастрофы; он в конечном счете все же соглашается признавать и очень неприятные ему реальности. Когда муга Клиодвигает на него бульдозер исторической необходимости, он в отличие от своих кремлевских предшественников не тянется к красной кнопке, дабы остановить этот бульдозер, хотя бы даже и вместе с ходом человеческой истории, но исправно пятится.

Это, бесспорно, выглядит как рациональное поведение. И будь оно вполне таковым в действительности, западный эйфорический оптимизм был бы совершенно обоснован: на логику Истории можно полагаться — коль скоро Кремль наконец научился ставить выживание выше идеологии, Клио позаботится о том чтобы загнать Москву в стойло здравого смысла и приучить-таки рано или поздно к общечеловеческим ценностям не на словах, а на деле. Как говорили древние, мудрых Рок ведет, остальных тащит; правда, тогда в Рок еще нельзя было выпустить межконтинентальную баллистическую ракету... Однако давление национального подсознания как в самом президенте, так и особенно со стороны руководимой им страны, обещает сделать эту рациональность достаточно условной и чреватой неожиданными срывами. Особенно опасными должны оказаться кризисы не столько чисто внешнеполитические, типа Карибского, сколько такие, где внешние коллизии тесно увязываются с внутренними, вызывающими живой отклик масс населения России. Таких кризисов будущее обещает немало.

М. Горбачев едва ли властен обеспечить последовательно рациональную и ответственную политику СССР, ведь он и сам в полной мере носитель русского менталитета. Это достаточно серьезный, а возможно, и непреодолимый для русского народа барьер на пути подлинного сближения с Западом. Особенно же опасно, что препятствия эти плохо осознаются и потому не учитываются в реальной политике не только западной, но и советской стороной.

Предвижу возражения западного политолога: да русские просто домешаны на уникальности своей страны! Если национально-патриотические заединщики грудью стоят за особый путь России, то этот пессимист вздумал доказывать особое отсутствие пути для нее. Между тем, дескать, нечего мудрить: Россия отличается от других стран третьего мира только тем, что на век-другой раньше остальных пустилась догонять Запад, но потом, 70 лет назад забрела в болото и поотсталала. Теперь же наконец выберется из трясины, отряхнется, да и двинется себе общей дорогой. По ней уже многие, считай, дошли: и Япония, и страны Латинской Америки, и «молодые драконы» Азии; неплохо продвигаются Индия и Китай. Россия не более «особая», чем они все. А что империя, так ведь тоже все это уже, мол, было — ну, возникнет этакое Российское содружество наций, если не совсем на манер Британского, то все же вполне нормальное какое-нибудь, вариант рыхлой конфедерации с единым рынком, так что вольтеровский Панглос был прав: «Все к лучшему в этом лучшем из миров».

Что ж, буду бесконечно рад ошибиться, но все же сомнениями поделюсь.

Япония, конечно, сегодня впечатляет всех. Однако сравнивать ее с Россией почти совершенно невозможно. Дело даже не в очевидной полярности практических всех главных объективных показателей и субъективных особенностей. И не просто в том, что Япония, по сути дела, не знала социальных переворотов: самурайский ли кодекс Бусидо

тому причиной или иные специфические свойства национальной культуры вроде споности этического пространства (о чем речь ниже), но только факт налицо: и к середине XIX века японские старинные высшие классы не утратили способности править, они просто пересели в кресла руководителей банков и корпораций. Главные же причины отличий лежат много глубже.

На VI конференции философов «Восток – Запад» в Гонолулу (1989 год) едва ли не единодушно констатировалось сохранение полнейшей несопоставимости ценностных систем Востока и Запада, из чего делался вывод о нереальности их синтеза. Я сужу по короткому отчету в «Вопросах философии» и, возможно, что-то не так понял, однако мнение о тупиковой ситуации, если оно там действительно возобладало, мне кажется ложным. Попробую пояснить.

В работах группы Ю. М. Лотмана уже около двадцати лет назад раскрыт принципиально диалоговый механизм всякого культурного творчества. Сделаем перевод некоего текста с одного языка на другой, а затем предложим другому переводчику изготовить обратный перевод. Сравнивая его с исходным, убедимся в некоторых отличиях: появилась новая информация – необходимое условие для развития любой культуры. Такова схема.

Однако механизм двойного перевода продуктивен лишь при соблюдении двух условий. Во-первых, языки должны быть существенно различными: простая замена букв на цифры вернет нас к исходному тексту без всякой «новой информации». Во-вторых же, слишком различными языки при этом тоже быть не могут: текст о борьбе с автомобильными проблемами в Нью-Йорке нельзя перевести на язык австралийскихaborигенов.

Можно сказать, что «не слишком» далеки те языки, которые принадлежат к одному метаязыку. Конечно, это не более чем схема, но схема весьма полезная.

Функционально полушария человеческого мозга можно считать носителями такой пары «не слишком далеких» языков: левое – линейно-дискретного, дискурсивного, по преимуществу рационального; правое – эмоционально-образного, интуитивного, прежде всего ответственного за иррацио. Процесс мышления, таким образом, заключается в диалоге двух полушарий мозга, однако непременно объединенных у психически здоровых людей метаязыком данной неповторимой человеческой индивидуальности.

В общении с другой личностью этот метаязык уже фигурирует в качестве одного из двух языков, вступающих в диалог, а метаязыком следующего уровня становится для них обобщенная принадлежность к культурной единице более высокого порядка: к семье, профессиональной, социальной или субэтнической группе и т. д. Поскольку контакта с внеземными цивилизациями не установлено, вершиной этой иерархии «культурных личностей», метаязыком предельной общности является Человечество, а его «левым и правым полушариям» в таком случае – Восток и Запад.

На этой модели очевидно, что стремиться к «синтезу», в смысле унификации, скажем, американской и японской культур столь же чревато и вредно и противостоятельно, как пытаться искусственно преодолеть асимметрию функций головного мозга. Вместо этого следует всемерно усиливать их диалог, обогащая тем самым объединяющий Восток и Запад метаязык Человечества.

«Синтез» как сближение на одном уровне вел бы к унификации, то есть к упрощению структуры или, говоря метафорически, к росту энтропии, в худшем же случае и к химеричности. Нечто подобное происходило до самого последнего времени с разными народами в СССР: «новая социально-политическая общность» под названием «советский народ» была как раз попыткой такого синтеза на одном уровне. Продуктивный же диалог сначала создает, а затем последовательно обогащает и укрепляет «накрывающую общность», которая принадлежит качественно иному, культурно более высокому уровню, так возникает метаязык. В результате структура усложняется, что и означает подлинное, антиэнтропийное развитие культуры. Простой пример. «Мужчина» и «женщина» синтезируются в понятие более высокого уровня – «человек». Синтез же на одном уровне дает химеру – «гермафродита».

Однако Россия не принадлежит ни Востоку, ни Западу; вопрос о ее месте и предназначении в мире веками занимает думающих русских людей. В конце XIX начале XX века еще не было ни результатов упомянутого тут семиотического анализа, ни самой семиотики. И тем не менее такие блестящие умы той эпохи, как, например, Вл. Соловьев, провозглашая для России миссию «примирения» и «объединения» Востока

и Запада, заблуждались гораздо меньше, чем некоторые из современные эпигоны. Типичной для его времени ошибкой Вл. Соловьева было «списание» в разряд «неисторических народов» Китая, Индии, Японии и вообще всех культур, основанных на иных мировых религиях, кроме христианства. Для него они вообще не были участниками всемирного культурного диалога. Весь диалог предполагался лишь внутри христианского мира, причем Россия, по мысли Вл. Соловьева, должна была примирить в себе византийскую и римскую его ветви (протестантизм также «списывался» со счетов как ересь).

Сегодня мы понимаем Восток несколько иначе. Да и во внутрихристианском диалоге место России видится теперь скромнее — она не столько носитель метаязыка, интегрирующего всемирное христианство, сколько одна из сторон полилога. Современные же русские претензии на «синтез» и «примирение» Востока и Запада вовсе нелепы, да и небезобидны. Хуже того: у этих претензий есть историческая база в том смысле, что ведущий к химеричности «одноуровневый синтез» в России реально имел-таки место и в значительной мере определил ее злоключения. Химера в этом контексте — практически синоним антиномии, аналог оксюморона. Классический пример химеры в природе — мул: продукт скрещивания осла с лошадью. Мул мощен, вынослив и послушен, но к самовоспроизведству не способен. Да ведь и российский двуглавый орел, если отвлечься от геральдики, тоже может служить символом химеричности..

Россия не единственная в мире страна с признаками культурной антиномичности. На противоположной, западной окраине атлантической цивилизации лежит Латинская Америка, схожесть культурно-исторических судеб которой с российской особенно наглядна, если при сравнении делать поправку на ту сотню лет, которая отделяет Боливара от Петра I. Наглядным символом латиноамериканского синтеза «в одном уровне» является то, что там ухитились охимерить даже христианство — я имею в виду так называемую теологию освобождения. Философы и культурологи Латинской Америки тоже извели немало чернил, предрекая своему континенту великую миссию всемирного культурного синтеза. Русский читатель обнаруживает в их работах удивительно созвучные ему тревоги и упования. Естественно, возникает вопрос об исторической случайности культурных химер. Судить о Латинской Америке я не рискую, но антиномичная Россия, похоже, не могла не возникнуть. И поскольку в Латинской Америке перестройка и гласность пока не разразились, вернемся на родную почву и попробуем тезис об этой неизбежности России пояснить и подкрепить.

Проиллюстрирую механизм «синтеза в одном уровне» с помощью некой развернутой геометрической метафоры.

На Востоке поведенческие нормы и даже общие представления о пределах Добра и Зла для разных сословий и каст существенно различны даже в идеале. В этом смысле можно сказать, что этическое пространство там имеет горизонтальную слоистую структуру и к универсальной, единой для всего общества этической плоскости сведено быть не может. В христианском же мире Запада этические нормы одинаковы и равно нерушимы для всех сословий: границы Добра и Зла вертикально пронизывают все слои общества, создавая качественно иное, вертикально ориентированное этическое пространство.

На Западе поэтому можно спроектировать эту границу на универсальную этическую плоскость в виде более или менее четко прорисованных линий. Именно между ними и лежит область, в которой протекает жизнь нормального бургера. За одной из этих границ лежит область Святости и добровольного ухода от мира, за другой — область Сатанинства и отверженности; но особенно важно то, что между ними человеку отведено его законное и достаточно просторное место. Человек на Западе имеет возможность спокойно заниматься своим прямым делом, лишь в экстремальных ситуациях оказываясь на одной из указанных границ, в ситуации критического нравственного выбора. Он как бы живет на плодородном плато — ни сияющая вершина, ни черная пропасть не подступают к нему вплотную, а поэтому и не приковывают к себе взгляда ежеминутно, отвлекая от нормальных человеческих дел и обязанностей. Эта структура западного этического пространства отражена и в строении католического загробного мира с помещенным между Раем и Адом Чистилищем, очень понятным по-человечески, времененным местом пребывания «нормальных» грешников.

Православие не знает Чистилища. Структура русского этического пространства

не отводит человеску места для нормальной жизни, ибо области Спасения и Вечного Проклятия сходятся вплотную, выжимая личность на лезвие границы, мерцающей Добром и Злом. Человек нравственный при этом оказывается целиком поглощен балансированием на этой грани — в предельном варианте каждый миг его жизни превращается в экзистенциальную ситуацию, на фоне которой хозяйственны или, скажем, политические вопросы для него обессмысливаются и становятся, в основном, полем деятельности людей морально недостойных. Впервые отмеченное С. Аверинцевым, это православное «слипание» пределов Добра и Зла приводит к не имеющей аналогов у других народов значимости в русской жизни духовной вертикали — вопрос, к которому я еще вернусь. Реальная сегрегация общества по этой оси, разумеется, оказывается крайне несимметричной — праведников всегда мало, но их значение для национальных судеб тем выше, чем реже и неохотнее они идут на прямое в них вмешательство; быть может, лишь «общенациональная экзистенциальная ситуация» вызвала Сергея Радонежского к прямому вмешательству в государственную жизнь.

Здесь не место обсуждать влияние специфики русского этического пространства ни на объективные достижения классической литературы прошлого века, ни на особенности ее восприятия западным читателем с его субъективно иным этическим миром. Здесь я лишь хотел подчеркнуть «естественность», а то и прямую неизбежность существования между Западом и Востоком такого «неестественного» для них, антиномичного, оксюморонного мира, как наш русский.

Желая прекратить затянувшийся диспут двух непримиримых спорщиков, обычно говорят: «Ну, истина где-то посередине». При этом вовсе не подразумевается, что она органически соединяет и примиряет позиции спорящих — такой истины может и вовсе не существовать. Так и здесь: Россия действительно находится между Востоком и Западом.

Однако сам по себе этот бесспорный географический факт вовсе не гарантирует благополучного, «примиряющего» синтеза этих двух начал в имеющей универсальную ценность Истине. Так происходит лишь на вершине русской духовной вертикали; внизу же мы имеем закономерное следствие «синтеза на одном уровне» — химеру.

Коль скоро на Востоке этическое пространство структурировано горизонтально, а на Западе — вертикально, где-то между ними, очевидно, должна быть «точка перегиба», точнее, целая такая область. По мере продвижения на Восток и «скручивания» западной вертикальной структуры проекция ее на единую для всего общества этическую плоскость даст сначала сужение «области достоинства человека»¹, затем сжатие ее в линию (*sic!*), в точку и... исчезновение, так как на Востоке такой универсальной проекции нет совсем.

Итак, коль скоро между Западом и Востоком в Евразии не было разделявшего Новый и Старый Свет океана, где-то на ее просторах непременно должна была возникнуть указанная переходная область. Чтобы в ней органически сочеталось «то и это», требовалось напряженное культурное творчество в исторически благоприятных условиях — ведь метаязык непременно должен принадлежать более высокому уровню. Антиномичное же «ни то, ни сё» возникает само собой как закономерный результат механического смешения, порождающего химеру. Достаточно очевидно, что этой промежуточной страной Оксюморонией и является наша Россия с ее поразительной духовной неоднородностью. Культурно-социальное расслоение, уверен, вторично, первично же формирование указанной вертикали.

Впрочем, как мы понимаем теперь, никакого органического, примиряющего сидения в рамках отдельной национальной культуры состояться и не могло: метаязыком для двух культурных полушарий Земли может быть только культура Человечества в целом. Достижения отдельных лиц, венчавших русскую духовную вертикаль, невозможно переоценить, но обществу в целом такой уровень, конечно, и не мог быть по плечу. Так что бессмысленно пенять на татарское иго и другие несчастья нашей истории; очернять же способности и талант русского народа не просто недостойно, но и неумно — места рождения ни один народ не выбирает. Менее жизнеспособное дерзво посреди дорожного перекрестка вообще заглохло бы, а русское хотя и не сформировало правильной кроны, но сумело выбросить на огромную духовную высоту отдельные

¹ Достоинство предполагает самоуважение, которое основано на чистой совести, то есть твердой уверенности в своей нравственной правоте — чувстве чисто западном. На Руси такая уверенность искони воспринималась как греховная

ветви удивительной красоты и мощи... Отрицать нечависимый и очень значительный русский вклад в общечеловеческую культуру способен разве что полный невежда. Достаточно указать, что за последние 100 лет, например, из каждого десятка мастеров, выступивших в Карнеги-холл, семеро были выходцами из России и СССР. Но вот принципиальную несводимость культуры России и Запада в одноуровневом синтезе, где столь велика роль национального подсознания, будут, конечно, отрицать многие. Поэтому приведу еще одну математическую метафору.

В топологии тела «предельно пластиичны»; их форму можно как угодно менять, лишь бы поверхность не подверглась разрывам и склейкам. Так, шар и куб в топологии — одно и то же тело, а вот тор (баранка) от них отличается. Помимо сфер с любым счетным числом «ручек» (просто сфера; сфера с одной ручкой, то есть тор, с двумя ручками — крендель и т. д.) есть в топологии еще и такая своеобразная фигура, как лента Мёбиуса. Ее можно получить из бумажной полоски поворотом одного ее края на 180 градусов и последующим склеиванием концов. Проводя вдоль склеенной таким образом в кольцо ленты непрерывную линию, легко убедиться, что фигура эта имеет только одну поверхность — внешнюю и внутреннюю одновременно.

Так вот, «левополушарный» Запад я уподобил бы сфере. Только она одна способна с увеличением своего объема заполнить все пространство без всякого изъятия; для рациональной западной культуры характерны и эта явная выделенность из ряда всех других, и беспредельность возможностей экспансии. Все это соответствует той «героичности» пути Европы, о которой говорил Гегель: европейская культура самодостаточна и полна, поскольку свои фундаментальные ценности она ни у кого не заимствует, в силу чего она полностью свободна от химеричности. Эмерсон писал: *The hero is he, who immovably centered¹* и атлантическая цивилизация именно такова.

Различные «правополушарные» культуры Востока я бы уподобил ряду сфер с ручками: здесь и тор и все более сложно плетенные крендели. Иными словами, если рациональным способом мир отражается объективно однозначно, то не может существовать двух различных «левополушарных» культур, в то же время вероятность образных систем, непротиворечиво отображающих мир, неограничenna. Западной способности к самостоятельной исторической динамике «правополушарные» культуры не продемонстрировали, да и такой универсальности в них нет: как ни увеличивай объем тора или кренделя, часть пространства всегда будет приходиться на «дырку» и останется незаполненной.

Основанные на несводимых друг к другу образных системах великие культуры Востока, однако, также самодостаточны, и до столкновения с рационально-логической, по преимуществу западной, цивилизацией были столь же свободны от химеричности, как и она. В наше время такие контакты, однако, уже неизбежны, но все же глубокой, сущностной культурной антиномии на Востоке как будто не возникает. Видимо, древняя национальная культура образует столь мощный ствол, а привой западной рациональности приходится так высоко над корнями, что эти индустриально-технологические побеги благополучно питаются исконными живительными соками, отнюдь не обращая гибрид в химеру. На сколько успешно может прижиться такая прививка и какие завидные, «мичуринские» плоды она способна приносить, видно на примере уже не только Японии, но и Южной Кореи, Тайваня, Малайзии...

Русская национальная культура с самого начала формировалась как совокупность иностранных влияний; эту ее уникальную особенность не раз подчеркивал и академик Д. С. Лихачев. Видимо, в результате этого ее химеричность достигает уровня особенно глубокой антиномии. Схожа и ситуация в Латинской Америке, где доколумбовы культуры оказались подавлены и оттеснены в индейские социальные низы, структурно напоминающие роль русских крестьян, до XIX века сохранивших элементы дохристианских языческих верований и, уж во всяком случае, обрядов. И в Латинской Америке, и в России это привело к горизонтальному расколу общества и другим схожим феноменам. Во всяком случае, налицо качественные отличия и от Запада, и от Востока. Поэтому Россию я уподобил бы ленте Мёбиуса, в том числе и в ее «просекции» на этическое пространство: именно ее, ленту Мёбиуса, а не простую плоскость, выдавливает вверх и вниз энергия смыкания границ Добра и Зла. Лента эта приводным ремнем объединяет вершины духа с форменной преисподней, склейка ленты «с изворотом» загоняет в неизбывную антиномичную петлю все страстные устремления русского духа, стремяще-

¹ Герой тот, в ком есть непоколебимый центр (англ.).

гося взмыть по вертикали. Не в этом ли трагедия всех российских реформаторов: неподъемность задачи приводит их в отчаяние и делает революционерами: отодрать и уничтожить темную изнанку национальной жизни мудрено у всякого народа, но лента Мёбиуса вообще не имеет изнаночной поверхности — она, увы, «антиномически един» с лицевой. Получается как бы антиномия в квадрате... Впрочем, тут уже не геометрические концы с концами не совсем сходятся, но мне это не так и важно, главное, для чего мне нужна была эта типологическая метафора. — иллюстрация тезиса о принципиальной несводимости Запада, России и Востока друг с другом, их несинтезируемости «в одном уровне».

Надеюсь, мне удалось объяснить, почему скепсис воображаемого западного политолога относительно российской особенности представляется мне несколько легковесным. Эта фундаментальная специфичность России не была, разумеется, отменена ни февралем, ни даже октябрем 1917; не исчезла она и после объявления перестройки. Так что, даже если вслед за президентством вместо Советов, несовместимых со способной реально функционировать демократией, здесь вдруг разом декретируют всю американскую систему жизнеустройства целиком, то и тогда никаких чудес не произойдет и страна наша останется все той же Великой и Блистательной Оксюморонией; во всяком случае, лень надолго еще останется.

Из вышеизложенного должно уже быть понятно, что в ряде фундаментально важных смыслов мир, в котором по сей день живут русские, — еще труднее постигим для западного ума, чем мир любого традиционного общества. Картина последнего все же внутренне непротиворечива; глубоко же антиномичную русскую жизнь иностранцу понять тем труднее, что на уровне провозглашаемых ценностей и вообще во множестве внешних проявлений она выглядит такой похожей, такой «почти» европейской. Осознать всю абсурдность русской жизни извне несравненно труднее, чем просто отметить ее «свинцовые мерзости» и подыскать им на уровне политики или социологии частные объяснения в наследии последних семи десятилетий, действительно рекордных по абсурдности.

Качественное отличие в уровне химеричности, скажем, от Южной Кореи или обоих Китая обещает России дополнительные трудности на пути усвоения стандартов постиндустриального общества — кто возьмется сказать, насколько значительные? Преодолимы ли они вообще? Ведь помимо химеричности есть у русских и еще одна несчастная особенность — уникальный этноконсолидирующий фактор.

Как же перед лицом всех этих преград ведет себя власть? Сознает ли она их, по крайней мере? Боюсь, что нет. Именно метод проб и все новых ошибок, а вовсе не изначально сознаваемая необходимость предварительного расшатывания стереотипов общественного сознания, даже хотя бы на самом поверхностном, идеологическом уровне, вынуждает прагматиков перестройки постепенно ослаблять упор на формулу «мы пойдем своим путем». Страну все реже убеждают, что единственное, что ей требуется, это «больше социализма», а с недавних пор прекратились отмежовки не только от социал-демократии, но и от сахаровской концепции конвергенции: фактически именно конвергенция определяет стратегический стержень политической философии М. Горбачева.

Согласно схеме Роберта Тэкера, М. Горбачев как революционный лидер должен не просто разрушить прежний базовый миф, но и активно навязать обществу новый. Нельзя сказать, чтобы президент был в этом слишком усерден. Однако и признать перестройку в таковском смысле эволюцией едва ли возможно. Думаю, что не пределенные разговоры о «возврате к общечеловеческим ценностям» на деле нацелены на конвергенцию, которая и должна считаться главным претендентом на роль нового базового мифа советского общества.

Так вот, я глубоко убежден, что такая конвергенция с Западом принципиально невозможна. Основные свойства национального менталитета нимало не изменились, так что типологически речь, видимо, идет об очередной русской утопии, только уже временем мышления не позитивистски «научной», а прагматико-«технологической». Конвергенция, осуществляемая технократами (как и в 1917 году, и вообще всегда — с лучшими намерениями!) — это попытка подмены обанкротившегося «коммунизма», это сооружаемая из подручного материала еще одна идеологическая морковка на линии исторического горизонта, и она обречена на неограниченное удаление по мере «приближения» к ней.

Характер этой утопии вполне соответствует обществу, богатому людьми технически образованными, но крайне бедному носителями полноценной гуманитарной культуры; обществу, не только завидующему разнообразному западному изобилию, но попросту наголодавшемуся; в массе своей не просто языческому, далекому от любви и братства, но и охваченному кровеносной ненавистью.

Конвергенция. то есть стремление кратчайшим путем догнать Запад в его далеко не лучшей ипостаси, как общество потребления, — не Бог весть какая «мечта»; сдва ли она вообще кажется утопией людям из иного, более благополучного общества. Но таковы уж плоды 72-летнего доминирования у нас утопии предыдущей...

Однако иллюзия возможности плавной русской конвергенции весьма опасна и для Запада.

Более чем вероятно, что подлинное сближение России с западным миром — условие, действительно обязательное для выживания цивилизации. Однако объективно такое возможно ценой отказа одной из подлежащих конвергенции сторон от сущности своей самобытной природы. Политико-экономические системы не «нахлобучиваются» как шапка на голову народа, но, как прическа, формируются из вырастающих на ней волос. Перед Западом вопрос о такой цене вообще не встает, и потому, боюсь, проблема вообще там не осознается. Зато во весь рост этот вопрос стоит сегодня перед Россией.

Кризис ли у нас или начало последнего акта распада, покажет время. Однако и примечательно, и закономерно, что острее всех опасность ощутили не утонченные либералы-«западники», но менее высокую «почвенную» ветвь русской интеллигенции. Речь идет об угрозе ассимиляции остатков национальной культурной самобытности в потоке лишенной глубины и фундамента космополитической, кичевой компоненты всемирной масс-культуры — этой нищенски бедной части подлинного метаязыка культуры общечеловеческой. Под этим осознанным беспокойством лежит бессознательная тревога за будущее русского народа как самостоятельного этнического феномена.

Легче всего отнести нервическую активность тех, кто группируется вокруг журналов «Москва», «Наш современник» и т. д., на счет ностальгии по выдуманному прошлому, антидемократического сознания или ханжеского пуританства этих людей. Однако, какие бы предлоги для окарикатуриования ни напрещивались вследствие тех или иных личных качеств наиболее одиозных членов этой группировки, занятие это не слишком осмысленное, да и мало почтенное — кто из нас без недостатков? Куда важнее понять, что лучшими людьми движет нечто более глубокое, чем просто ущемленные меркантильные интересы раздражение пожилых людей от быстрых перемен или личные амбиции.

Я убежден, что такая объективная причина существует и является не чем иным, как одним из проявлений инстинкта национального самосохранения — нормальной защитной реакцией подсознания русской коллективной «культурной личности». Можно, конечно попытаться списать национал-государственников с сегодняшнего политического баланса по причине их явного провала на очередных выборах, но мудрее было бы не отмахиваться от далеко не случайного феномена.

Так ли уж непримиримо различны структуры национальных менталитетов России и Европы, чтобы реакция иммунного отторжения порядков и норм, трансплантируемых с Запада, вызывала достаточно мощное для учета в реальной политике противодействие на уровне инстинкта национального самосохранения? Трудный вопрос... В конечном счете все определится балансом сознательного и подсознательного начал в менталитете современного советского общества, а тут обнадеживает немногое. Сопоставление же качественное убеждает в кардинальном различии России и Запада с точки зрения национального подсознания. Культурологи такое сопоставление проводят обычно по целому набору «осей». Для примера упомяну лишь одну такую «ось» — ценностную ориентацию культуры во времени.

В Древнем Риме например, аксиологический вектор был четко ориентирован в прошлое: Золотой век находился позади, и все перемены воспринимались как последовательная эрозия этого исходного положительного состояния. Примечательно, что такая ценностная ориентация парадоксальным образом способствует практическим инновациям: без сопротивления общественного сознания они вводятся по мере надобности как частные изменения, на «базовый миф» принципиально не посягающие.

Когда же аксиологический полюс располагается в будущем, любое частное изменение воспринимается обществом как способное извратить всегда, разумеется, единственно верный путь в это вожделенное грядущее. Тем самым каждая, даже сравнительно частная перемена становится ценностно значимой и требует высшей санкции. Есть и другие причины, по которым в ориентированных на светлое будущее культурах введение любых инноваций, в том числе и хозяйственных, резко затруднено практически. Как известно, при Екатерине II имели место картофельные бунты: трудно представить себе, чтобы такое было возможно в те же годы в Северной Америке.

Кстати, и в современных США при всей их специфике ценностная ориентация аналогична древнеримской: культ отцов-основателей, отцов-пилигримов, конституции, героев войны за независимость. Не случайно некоторые исторические романы Гора Видала широкой публикой в Америке воспринимались как скандальные, русский же читатель практически всегда очень сочувственно воспринимает книги, выставляющие его царей в самом невыгодном свете. Впрочем, в данном контексте специфика американской культуры связана с множественностью компонентов их национального подсознания. В стране иммигрантов оно во многом формируется положением подсознаний различных этнических групп, частично друг друга гасящих, в результате чего его роль в целом ослабляется. Это означает, что у американского народа пирамида национального менталитета засыпана песком существенно меньше, чем у всех других, кроме Австралии, Канады и Новой Зеландии, разумеется, — вследствие чего общественная жизнь в этих иммиграントских странах организована значительно болееrationально.

В России ценностная ориентация четко направлена в будущее: сначала к небесному Новому Иерусалиму, затем — для большей части образованного общества — к земному, а после 1917 года к заменившему его коммунизму. Сегодняшнее общественное замешательство глубинной своей причиной имеет прежде всего опустение вынесенного «вперед и вверх» пьедестала: прежний идол свален, нового нет. Русофилы пытаются откопать из-под мусора «некультурного слоя» последних семи десятков лет идола «позапрошлого» вполне традиционно сочетая взгляд назад с душевным устремлением к грядущему величию и особой миссии России. Они бессознательно, бесперспективно, но и безошибочно предлагают привычную «соску-пустышку» ощущающему тосклившую пустоту в самом своем аксиологическом фокусе русскому национальному подсознанию.

Действующие «rationally» инициаторы нашей перестройки, судя по всему вообще не сознавали возникшей проблемы. Во всяком случае, долгое время они обходились без всякого «светлого будущего», прекратив упоминать о коммунизме и не начав утверждение даже такой достаточно кучей и малоподходящей освободившемуся сакральному постаменту концепции, как конвергенция.

Все это лишнее свидетельство против критерия революционности перемен, введенного профессором Текером: здесь никак не затрагиваются фундаментальные структуры национального менталитета, а то, что берется в качестве «базового мифа» общества, соответствует лишь его идеологическому самоописанию. Если память меня не подводит, то Леви Стросс доказал, что такое самоописание всегда ложно в том смысле что не соответствует подлинной структурной организации социума (а для исследованных им небольших племен, значит, и сути этнического менталитета).

Во всяком случае, бесспорно, что сознательные построения в духе такеровских базовых мифов возводятся на почве национального подсознания и достаточно сильно зависят от ее рельефа. Так, при всех исторических переменах в городской застройке Рим был, есть и будет городом на семи холмах. Конечно, Манхэттен довольно ровный скальный остров, а архитектура небоскребов столь сверхрационалистична, что, глядя на знаменитый силуэт Нью-Йорка со стороны гавани, усмотреть значение такого фактора, как рельеф местности, действительно трудновато. Однако, и живя в Америке, следует помнить, что в России-то все еще ни одного небоскреба нет..

В принципе, конечно, предположить, что 73 года кровавого абсурда так основательно подорвали жизненные силы русского народа, что он уже исторически не обратимо обречен на исчезновение и сравнительно покорно примирится со своей ассимиляцией. Широкое распространение вульгарного потребительского материализма и бездуховности, равнодушие и к своим народным традициям, и к вновь открывшимся возможностям самоуправления на местах вроде бы подтверждают этот тезис. Что ж, коли так, более грозных проявлений, чем журнальная перепалка «заединников» да злобное шипение выплеснувшейся накипи «Памяти» русский инстинкт национального самосохранения иметь не будет

Однако я бы никому не советовал строить политику на таком допущении; есть ведь и прямо противоположные тенденции. Верно, сегодня они, в основном, окрашены в цвета либерального западничества, хотя уже достаточно сильна и православная струя. И все же мудрее было бы, на мой взгляд, отнести нынешнюю слабость общественных проявлений инстинкта национального самосохранения на счет факторов преходящих: этот инстинкт угнетен хроническими и всесторонними нехватками и вызванной ими всеобщей сосредоточенностью на материально-бытовых интересах. Уверен, мы еще станем свидетелями мощных и разнообразных проявлений указанного национального чувства. Так что нынешние «здравомыслие» и «рациональность» российского поведения объясняются даже и не объективным упадком материальных сил страны, а скорее тем, что его вызвало: кризисом национальной идеи; причем если это именно кризис, а не распад, то он непременно пройдет и Россия снова станет опаснейшим соседом на ставшей совсем тесной планете.

Бесспорной чертой русского национального характера является максимализм с его принципом «все или ничего». Но это означает, что Россия едва ли спокойно примирится с рядовым, где-нибудь между Бразилией и Индией, местом в колонне движущихся общей дорогой наций. Иное же место стране «не светит»: на века вперед время безнадежно упущенено. При этом русское стремление самоутвердиться любой ценой, боюсь, не только за счет своего народа — окажется тем сильнее, чем глубже будет нынешний приступ национального самоуничижения и чем дольше он будет продолжаться.

Уникальная черта русского народа состоит в том, что нормальное этническое чувство у него вытеснено чувством государственности. Поэтому прилив национальных чувств с неизбежностью принимает форму всплеска русских великодержавных амбиций, которые, разумеется, нуждаются в объекте, против которого будут направлены. Сейчас, в разгар кризиса межнациональных отношений, таких потенциальных объектов и внутри Союза как минимум 14. Однако, если даже отрешиться от последних событий в республиках и вообразить себе мирный демонтаж «внутреннего ядра» восточноевропейской империи — как бы невероятно это ни выглядело! — Россия ведь и после этого своей природы не изменит, онастанется гигантской сверхдержавой, до зубов вооруженной современейшим ядерным арсеналом. Было бы очень странно, если бы объектом, в противостоянии которому станут утверждаться ее великодержавные амбиции, оказались лишь королевские пингвины в Антарктиде. Впрочем, по нынешней-то экологической ситуации и это бы уже создало проблему для всего человечества...

При встрече с американскими конгрессменами в кабинете начальника пермской тюрьмы 10 августа 1989 года я твердо заявил, что поддерживаю М. Горбачева, — для страны это выбор из наличных лучший. Еще в 1985—86 годах в этой же чистопольской тюрьме за такую позицию мно открыто доставалось от товарищей — политзеков, а в дальнейшем и от КГБ — тут уж, разумеется, исподволь, но зато куда более болезненно. Президент застуживает поддержки в той мере, в какой он — пусть не всегда охотно — продолжает исправно подчиняться диктату Истории.

Положение внутренне глубоко противоречиво, что вполне соответствует тому, что Россия не аномалия, а антиномия, как считал В. О. Ключевский. Слабость, а возможно и обреченность либерального лидера неизбежна, если в этой очень российской по своей природе ситуации он станет действовать стандартными методами из арсенала западной политики, и даже не современной, а этак вековой давности. В восприятии западных лидеров это, может быть, и усилит впечатление рациональности курса, но фактически тут дорога к провалу: в России, как и в теоретической физике, для успеха требуется «достаточно сумасшедшая идея». Старая русская пословица, что «русскому здорово, то немцу смерть» имеет ведь и обратный смысл...

Правительство вроде бы готовит радикальные меры по введению рыночной экономики. Полуфеодальный уклад жизни этому, естественно, противится. Более того. 70 лет этого строя весьма основательно способствовали закреплению и актуализации именно архетипических, наиболее древних форм народной жизни, укорененных в национальном подсознании. Так что традиция общинной уравнительности за годы большевизма не просто сохранилась, но и (относительно) усилилась. Однако в этой трудности, на мой взгляд, лишь верхушка глыбы, что противостоит введению экономики здравого смысла: подлежащие корчевке корни оплели сваи фундамента, на котором стоит русское национальное здание. Так что следует ожидать противодействия на уровне инстин-

кта национального самосохранения. То есть сопротивления такой мощи и такого упорства, что заранее в это даже трудно поверить. Главная опасность перестройке грозит не «справа» и тем более не «слева» но «снизу», а точнее — «изнутри»

В советской печати высказываются мысли о необходимости расчленения территории России на пару десятков «земель» или «штатов»¹, осуществляющих региональное самообеспечение и самоуправление. Такой проект разработан и существует еще с 20-х годов, но поскольку его воплощение в жизнь имело бы объективный смысл движения от сверхдержавы к системе нормальных государств, хода ему не дают.

Сегодня представляется крайне маловероятным успешное введение рыночной экономики по приказу из центра сразу в масштабе всей огромной страны. Абсурд по природе своей вообще присущ громоздким иерархическим структурам, зато с трудом выживает в относительно малых социальных масштабах — не в этом ли, в частности, истинный смысл известного лозунга «small is beautiful»?²

Рациональный подход к решению задачи оздоровления — или, для начала, хотя бы здравоосмысления — советской экономики властно требует предварительного расчленения страны не только на суверенные республики (союзные и автономные), но и на сравнительно независимые «земли», в которых должны сформироваться более или менее самодостаточные хозяйствственные комплексы. В дальнейшем естественная экономическая логика приведет, разумеется, к образованию единого рынка, но рождается этот столь желанный ребенок не от неумелого кесарева сечения на седьмом месяце, а нормально, головкой вперед и во благовременье.

Кстати, обсуждаемая система государственного устройства тоже имеет глубокие корни в отечественной истории, только Руси не Московской, а Киевской. Именно тогда, при удельной системе, Русь, бесспорно, признавалась полноправным и уважаемым членом европейской семьи христианских государств. Найдется тому опора и в русском менталитете: слабой, но верной тенью нормального этнического чувства у нас выступает именно землячество.

Реальная независимость «земель», вплотную примыкающая к статусу полной суверенности, крайне важна также и по следующей причине. Опубликованная еще в самом начале перестройки в академическом журнале «Эко» официальная прикидка: сколько будет стоить модернизация и структурная реорганизация советской экономики, рассчитанная на 15 лет, — дала цифру около полутора триллионов рублей. Эта головокружительная сумма превышает всю задолженность стран третьего мира, причем по прошествии нескольких лет промедления оценку приходится корректировать, и уж, конечно, не в сторону уменьшения. Впрочем, даже если тут заключена ошибка в 2-3 раза в любую сторону, это вывода не меняет, настолько фантастически велик сам порядок цифр. Вывод же состоит в том, что, как бы тщательно ни обходила этот очевидный факт наша официозная пресса, король перестройки финансово гол: требуемый инвестиционный капитал отсутствует. Растигивать же перестройку на полстолетия — значит, отстать окончательно и бесповоротно, да и сегодня это уже немыслимо.

История знает лишь два способа оплаты форсированной индустриализации в большой стране: «бразильский» и «сталинский». Самофинансирование японского экономического чуда стало возможным благодаря исключительной бережливости японцев; при скромных (сравнительно с западными) средних доходах они откладывают до одной четверти их. Ничто подобное в России сегодня, очевидно, немыслимо.

Сталин ограбил большинство населения — прежде всего крестьян — и оплатил свою «перестройку» ценой крови, пота и слез.

Бразилия и другие новые индустриальные страны влезали ради этого в огромные иностранные долги, в которых по уши сидят и по сей день.

Никакого третьего пути не дано.

Сегодня в нашей стране грабить больше некого, да уже давно и нечего: недра и тайга основательно расхищены, страна изгажена и отравлена. Поэтому финансировать перестройку, кроме Запада, просто некому³. Однако как бы ни была сегодня благосклонна к нам растроганная сносом Берлинской стены Европа, немыслимо допустить, что Запад решится на финансирование сверхдержавы в масштабах, которых объективно требуют структурная перестройка и технологическое обновление ее экономики.

¹ См., например, № 10 журнала «Век XX и мир» за 1989 год.

² Маленькое прекрасно (англ.).

³ Я вовсе не имею в виду непременно льготные кредиты типа плана Маршалла, но говорю о нормальных коммерческих кредитах.

Когда заимодавец имеет дело с гигантским и сверхвооруженным заемщиком, серьезных гарантий возврата долгов просто не может существовать. Ведь и третий мир уже не раз предпринимал пополнения прекратить выплаты по счетам, и, окажись все эти различные страны сжаты в единый кулак, да тем более с ракетно-ядерным кастетом, никогда бы Запад своих денег назад не получил. Однако в том-то все и дело, что банки имеют дело с каждой из этих стран порознь, а солидарность в деле экспроприации без глобальной «партии нового типа» не так-то просто достижима.

Так вот, до тех пор, пока СССР, или даже только Россия, остается унитарным, нерасчлененным, столь грозно вооруженным государственным образованием, нового валютного плаща от западных банков король перестройки не получит. На плавочки, срам прикрыть, да на носовой платочек, может быть, и одолжат, но не более того. Одной этой причины для истинно рационального политика достаточно, чтобы не только оставить в покое отделяющиеся республики, но и немедленно начать расчленение собственно России — пока еще резервуар взаимной доброй воли, и без того обмелевший, не замутнен окончательно взаимными обидами самоновейшего времени: уже не сталинскими депортациями, но азербайджанскими и кремлевскими блокадами.

Едва ли постижимый для ветеранов второй мировой и холодной войн парадокс состоит в том, что могучие вооруженные силы для СССР сегодня — главная угроза его безопасности. И вовсе не только потому, что они нас разоряют. Даже если наша страна вдруг полностью разоружится, на нее сегодня нападать некому, ибо незачем. У нас нет ничего такого, из-за чего агрессоры из Японии или из стран НАТО решились бы воевать, даже заведомо победоносно; им от нас ничего особенно и не нужно — обходились без нас до перестройки, обойдутся и впредь. Зато нам от них очень уж много чего нужно, но пока страна так велика и так грозно вооружена, по большому счету мы ничего не получим. И не надо продолжать сравнения СССР с Америкой: там крахом экономики и не пахнет, напротив — США имеют интересы по всему земному шару; вот для их защиты военная сила и требуется. У нас такой нужды уже нет. Зато нам срочно необходимо другое — то, что в США с самого начала было: разделение страны на отдельные штаты.

Того же требует, кстати, и обыкновенная житейская мудрость, не рекомендующая класть все яйца в одну корзину. Если мы действительно хотим дать шанс чуть проклюнувшемуся цыпленку нашего демократического, сытого и духовно богатого будущего счастливо выплыться из тоталитарной скорлупы и выжить, то пусть лучше этот процесс идет независимо в двух десятках «штатов» или «земель», авось хоть где-нибудь цыпленок «по осени» останется цел и пригодится затем другим на развод. Будет опять же у кого просить помощи помимо Запада, если в некоторых «землях» эксперимент окажется особенно удачен. Все же совсем чужими наши «штаты» друг другу не станут — людей, когда они сыты, объединяют культура и язык, а не общий фонд административно распределяемой фальсифицированной колбасы.

Казалось бы, все эти бесспорно рациональные соображения очевидны. Но кто с ними согласится сейчас в России? На этом пути придется столкнуться кое с чем посерьезнее, чем национальная страсть к уравниловке, ибо здесь окажутся затронуты самые главные опоры национального подсознания.

Ну, а свободному миру из всех таких рассуждений следовало бы осознать главное: потребуется подлинное Чудо Господне, чтобы перестройка не провалилась. А ее фиаско неизбежно вызовет бунт национального подсознания, то есть прорыв лаковой пленки на одной шестой части земной суши. Если к этому нельзя уже успеть подготовиться практически, то следовало бы хоть психологически приучить себя к такой перспективе — для смягчения общественного шока, который на время может лишить способности к трезвой оценке положения, а это особенно усугубит опасность.

Итак, прямой. «национальный» путь из антиномичных рациональных реалий в нормальное общечеловеческое будущее нам объективно закрыт. Есть ли какой-нибудь иной, «особый русский путь»? Очевидно, лишь «поверх барьера», но чтоб такое было возможно не для единиц, а для общества в целом, да еще в его нынешнем прискорбном состоянии духа? Не знаю и скорее сомневаюсь, чем верю в это. Могу лишь определенно сказать, на каких путях желаемое будущее заведомо обречено, да очень предположительно указать, где моим глазам хоть какой-то свет все же брезжит.

После эпохи Петра I горизонтальный раскол России оставался социально нагля-

ден вплоть до самой коллективизации: европеизированные по форме, сакуляризованные по духу верхи — и глубоко религиозное крестьянство, в котором сквозь православие явственно проступали еще вполне близкие к культурной поверхности пласти древнейших языческих верований и обрядов. Вскоре после 1917 года один из берегов этого раскола был смыт, уничтожен если не поголовно, физически, то уж социально-то устраниен на все сто процентов. Недолго дождался своей участи и другой, крестьянский берег: в обществе маxрово расцвел люмпен во всех его проявлениях и ипостасях.

Однако обьююдосвязанный с русской антиномичностью горизонтальный раскол исчез лишь с социальной поверхности. Будучи укоренена в самых сущностных глубинах национального менталитета, эта горизонтальная трещина пролегла теперь по индивидуальным душам членов нашего разобщенного мира: в такой форме русский горизонтальный раскол менее нагляден, но едва ли не еще более опасен. Прежде начала противостояли друг другу, в основном, социально, но при этом и в рамках крестьянского «мира» члены его чувствовали себя среди своих, и принадлежавшие к «образованному обществу» ощущали себя в нем «дома» — были твердо уверены в общеобязательности и общепризнанности норм порядочности, чести и личного достоинства.

Теперь же личность покинута и одинока перед лицом своей нецельности, растреснутости, расколотости. Прежде баланс ratio и irratio в обществе определялся простой социальной пропорцией «низов» и «верхов». Сейчас эти начала являются свою противоположность в каждой отдельной русской душе, и лишь уровень ее самосознания определяет степень преобладания светлой свободы над кошмарной связью в каждом конкретном члене общества. Так что сейчас оценить соотношение сил ratio и irratio в национальных масштабах можно лишь гадательно, хотя, может быть, социологические опросы способны уже и помочь в этом.

Но будь русский мир специфичен только своей расколотостью, он бы никогда не уцелел, тем более при такой нелегкой истории. Никакой разделенный национальный дом не устоит, если нет в нем могучей народной скрепы. И в ней-то, может быть, и состоит самое замечательное отличие русского народа от всех остальных

Изначально свободная от химеричности американская нация в середине прошлого века тоже раскололась, но это был раскол не горизонтальный и внутренний, но вертикальный и внешний. Поэтому сущностный смысл гражданских войн в США и России совершенно различен. Конфликт Севера и Юга был прежде всего политico-экономическим, поэтому и разрешить его удалось сначала военно-политическими, а затем экономическими средствами: такой, вертикальный, неантиномичный раскол вполне поддается устранению рациональными методами синтеза противоположностей «в одном уровне».

В условиях русского горизонтального раскола подобные методы производят на свет лишь творчески бесплодных химер: синтез «в одном уровне» здесь, кроме лакейской и люмпена, ничего и не мог дать. Исторически испытанный метод противостояния горизонтальному расколу на Руси — противопоставление ему уже упоминавшейся выше духовной вертикали: синтез с выходом на уровень качественно более высокий. И чем глубже и жестче раскол, тем выше требуемый для компенсации его уровень объединения в Духе. Не стоит земля без праведника, — издавна говорилось на Руси, но зато и требования к этому праведнику всегда предъявлялись поистине запредельные. Раньше русские люди сознавали значение духовной вертикали и понимали в этом толк: не случайно агиографическая литература была столь широко читаема. Но и теперь похороны академика Сахарова наглядно подтвердили, что глубокая потребность в спасительной для нас как народа нравственной вертикали жива и даже и в сбитых с толку, замотанных и непросветленных русских душах. Это и есть та правда, на которую так отзывчивы люди в нашей стране и ради которой они всегда готовы «претерпеть».

Чем выше уровень, на котором вершится синтез всех наших расколов и разобщений, тем слабее на нем ощущается присутствие национального подсознания с неотделимой от него этнической спецификой и ограниченностью, — и тут мы узнаем «всемирную отзывчивость» как закономерно необходимое свойство высокой русской души. На такой духовной высоте в ней нет уже привкусов ни бездомной внеэтичности, ни отвратительных химерических суррогатов этнического начала: великодержавного шовинизма и государственничества. Подлинный русский праведник — явление в своей экстремальности почти мистическое. Энергия сомкнувшихся границ Добра и Зла мощно выталкивает его вверх, причем он ни в коем случае не может уклониться от духовного зенита, ибо задаваемая нравственная вертикаль проецируется в точку, служащую народу организующей осью и полюсом притяжения для всего лучшего в русской жизни. В противном

случас проекция соскальзывает вперед, к будущему — не отсюда ли вечный русский утопизм, облазн подмены, лежащей вне и над осью Времен истинной христианской Вечности — дурной бесконечностью стремления вдоль нее к бесконечно удаляющемуся миражу «светлого будущего», требующему все новых языческих жертвоприношений?

Надо ли говорить, что таких праведников никогда не могло быть много? Попробуйте представить себе, скажем, село, сплошь заселенное праведниками, — абсурд, очевидный для каждого русского. Даже в монастырях редко бывало больше чем по одному старцу. Отсюда острая боязнь подмены, неподлинности святого — иначе как понять отчаяние Алехи Карамазова после смерти старца Зосимы: отсюда же и легкость подмены вплоть до смены зенита на надир — вертикаль-то сохранится и тогда, но уж бесовство тут обязано достигать степеней поистине антихристовых... И это бывало в нашей истории, но обернулось не собиранием сил нации, а ее саморазрушением.

Такая концентрация праведности общества на одном, верхнем конце духовной вертикали как бы «узаконивает» низкую нравственность остального большинства. Здесь налицо полная корреляция с собиранием всей семиотической значимости социума на фигуре самодержца, венчающей другую, властную вертикаль. Что в средневековой Московии, что в сталинском ССР — ни один подданный не имел в сравнении с властителем никакой самостоятельной знаковой ценности, только отраженную, что так наглядно проявилось в русском местничестве взамен западной личной чести, — все были равно «хлопья государевы»: от думного боярина до нищего на паперти, от последнего эзка до первого из наркомов.

Зато и московского царя в отличие от великого князя Киевского трудновато представить себе, скажем, на охоте: он и ходить-то нормальным шагом не вправе, а всегда лишь торжественно выступает. Кто смеет вообразить Сталина, совершающего пробежку вокруг Кремля или играющего в футбол с членами Политбюро? Так что шапка Мономаха тяжела не только, а пожалуй, и не столько грузом ответственности за гигантское государство (его цари московские своей личной собственностью, вотчиной своей считали), а нечеловеческим давлением прессы символики, которая сковывает пожестче порфиры Петр I, нарушивший традиционное распределение семиозиса, прослыл в народе Антихристом вовсе не за жестокости свои — эка невидал: царская жестокость на Московской Руси! — но прежде всего как «царь-плотник». Несолидно.

Хорошо это или плохо, но так уж явно «не по Эвклиду» организована русская духовная геометрия, что именно в ее свете следует искать ту достаточно сумасшедшую идею, что разрешит наши главные проблемы. Сквозь всю нашу долгоруковскую историю, пока мы не «охимерились» до полной утраты способности себя понимать, власть на Руси твердо знала, что подлинная, нравственная се легитимация всецело определяется причастностью к национальной духовной вертикали. Даже в самом позорном, распутинском эпизоде агонии дома Романовых в карикатурном виде выступает это же самое стремление: причастность к единому для всех слоев общества авторитету старца, венчающего параллельную властной, национальной духовной вертикаль, преодолеть нараставшее отчуждение страны и монарха. Власть, возникшая из простой победы в игре политических сил, не только не причастная чему-то, что бесспорно выше повседневности прозаической жизни, но и лишенная даже простой таинственности, которая при большевиках заменила таинство. — такая власть русским национальным подсознанием как законная не воспринимается. Оно требует, чтобы власть непременно была причастна тому, что русский человек готов признать бесспорно несопоставимым с его собственной скромной персоной и личными интересами, — отсюда, кстати, и успех государственников с их испытанный подмечай духом миром.

Только под такой властью, при такой организации общества сможет, как говорят гадалки, русское сердце успокоиться, а народ обретет несуетливое и удовлетворенное достоинство. Оно одно позволит нам конкурировать хоть с Японией, хоть с Англией, хоть с кем на общей с ними основе естественной и ненатужной уверенности в своей с кем угодно национальной равноценности, ибо национальное самоуважение совсем не следствие экономического и культурного преуспеяния, а их предварительное и совершенно обязательное условие. Только такой, нашедший себя народ сможет быть желанным и безопасным соседом хоть для Запада, хоть для Востока, хоть для Юга, хоть для инопланетян. Только после мужественной встречи со своим отражением в зеркале ясного национального сознания перестанем мы нервно косить глазом то за западный, то за восточный бугор в поисках заведомо исподходящих нам моделей для организации своей национальной жизни. — речь не столько о внешних ее формах, сколько о сути.

Не существует такого психоаналитика, к которому мы могли бы прийти с проблемами нашего национального подсознания, если мы не хотим исчезнуть как народ, если не готовы отказаться от мечты о восстановлении прерванной в октябре 1917 года связи времен, если стремимся к самобытному существованию в завтрашнем мозаичном и взаимопроницаемом мире, то должны найти единственно органичные для нашей уникальной духовной организации формы и суметь подчинить им свою национальную жизнь как целое. Это, без преувеличения, вопрос жизни и смерти для культурного субъекта, именуемого русским народом.

Однозначно ли это? Я не знаю. И не всегда умею сохранять надежду. В конце концов, и «Византия не исполнила своего исторического призыва...».

Зато я твердо знаю вот что. Весь смысл и пафос свободного человеческого действия в том как раз и состоит, что успех его никогда не бывает гарантирован. Искающий Индию Колумб не мог не рисковать жизнью. Быть может, в самоотверженной попытке найти себя как самобытную социальную реальность мы тоже найдем не совсем то, что стремимся обрести, но, не рискуя тем немногим, что у нас есть сегодня, мы заведомо не откроем для себя никакого будущего. Кто не плывет вверх из всех сил, низбежнотонет; хотя верно и то, что не у каждого хватает в легких воздуха, чтобы догянуть до поверхности, до солнца.

Так вот, сегодня мы плывем куда угодно, но только не вверх. Конечно, не все на корабле зависит только от кормчего и его команды. Среди плывущих уже очень много, по-видимому, совсем пропавших людей. Но, во-первых, всякий христианин знает, что никто никогда не пропал вполне. Во-вторых же, и в этом состоит только из тех, кто еще не совсем нравственно глух, кто открыт духовному призыву,— они-то и есть экипаж.

Все это вовсе не только внутренние русские проблемы. Давно стало троизмом, что на нашей тесной планете человечество делит один дом — дом, понимаемый как противостоящий хаосу космос, и этот дом мы строим все вместе. Но если мы объединены космосом, то как минимум в той же мере это относится и к хаосу. Поэтому наивно и недальновидно, наблюдая упрочение слоя лакировки в свободном мире, заключать о его возросшей защищенности: извержение прорвавшего лак цивилизации хаоса даже на другой стороне Земли может оказаться тем более гибельным, что в России его выброс наверняка будет нести термоядерные боеголовки. В России сегодня все готово для появления харизматического лидера. Как бы там, однако, ни случилось, исходите из расчета на исчерпанность жизненных сил русского народа я бы никому не посоветовал. Но если он не обретет духовной вертикали, то в нравственной слепоте своей способен будет — рано или поздно — бросить силы свои по горизонтали: на саморазрушение внутри своих границ и на экспансию за их пределы.

У меня нет спасительных сценариев, я лишь стараюсь надеяться. Что дает мне тень надежды на более счастливую, чем у Византии, историческую судьбу моей страны? Прежде всего, пожалуй, топология. Какой бы «ненормальной», странной, лишенной объема, во всем перегнуто пограничной ни была лента Мёбиуса, все же эта фигура принципиально несводима к другим, и без нее номенклатура тел в топологии неполна.

Непротиворечивость законов «чистого» математического разума и объективно существующей природы поразила меня когда-то в теоретической физике и стала хронологически первым свидетельством бытия Божия и тварности мира задолго до того, как я прочел у апостола Луки: «Не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее?» И в науке, и в изучаемом ею мире действует принцип: все, что может существовать, как правило, существует.

Россия как будто лучше других стран подходит на роль ленты Мёбиуса, и я всем своим существом чувствую, что без нее мир был бы существенно неполон.

Значит, она должна в нем быть и скорее станет запалом Апокалипсиса, чем просто бесславно угаснет.